

УДК 821'01

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В РОМАНЕ АПУЛЕЯ «МЕТАМОРФОЗЫ, ИЛИ ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ»
(НА ПРИМЕРЕ СКАЗКИ ОБ АМУРЕ И ПСИХЕЕ)**

К.Д. КАРЧЕВСКАЯ

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)

Произведение Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» является образцом любовного романа в сочетании с мотивом «метаморфоз». В данной работе сравнивается мотив «странствующей души» и образ Психеи на примере сказочных литературных произведений различных авторов.

Представления о человеческой душе находили свое отражение у античных авторов еще задолго до романа Апулея. Имя Психея, в переводе «душа», было именем собственным. Образ странствующей души являлся популярным мотивом античных писателей, где Эрот, или же Амур, представлялся как определенная сущность, подвергающая душу страданиям. Образ Психеи у Апулея представляет собой странствующую по миру душу в поисках любви. Психее сопутствуют такие качества как простодушие, безрассудное любопытство, которое еще со времен Платона считалось определенным этапом к формированию человеческой души. Сказочный характер сюжета предполагает в нем обрядовую основу. Скитания Психеи – результат свадебно-похоронных обрядов. В произведении находят свое отражение мотивы поиска счастья, наслаждения.

Образ Амура и Психеи имеет разночтения среди исследователей. Некоторые из них до сих пор не могут прийти к единогласному решению: сказка это или вставная новелла. В «Литературной энциклопедии» отмечается, что «сказка» – вид фольклорной прозы, известный у всех народов и в отличие от несказочной прозы, воспринималась как «нарочитая и поэтическая фикция» [1, с. 989]. В то же время всегда отражает жизнеподобие, бытовые детали, исторические и природные условия жизни каждого народа.

Повествование в новелле ведется от лица старухи, которая хотела, на примере Психеи, показать девушке, похищенной разбойниками, что любопытство не всегда бывает полезной чертой.

Новелла начинается с родословной Психеи: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицею. Было у них три дочери-красавицы, но старшие по годам хотя и были прекрасны, все же можно было поверить, что найдутся у людей похвалы, меньшая же девушка такой была красоты неописанной, что ни в сказках сказать, ни пером описать и слов-то в человеческом языке для прославления ее» [2, с. 173]. При последующем прочтении, можно уловить знаменитый мотив «трех сестер/братьев» где младшая(ший) обычно те, к кому судьба благосклонна. Такой мотив также прослеживается в сказке русского писателя С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» и одной из многочисленных вариаций сюжета «Красавица и чудовище».

В народе пошла молва о том, что земля произвела на свет другую Венеру (т.е. Психею). С каждым днем такое мнение укреплялось и распространялось по миру. Люди перестали посещать храм Венеры и приносить ей жертвоприношения. К Психее начинают обращаться с мольбами и чтят ее величие. Настоящая Венера приходит в бешенство, произнося следующее: «Напрасно, что ли, пастырь пресловутый, суд и справедливость которого великий подтвердил Юпитер, предпочел меня за несравненную красоту столь прекрасным богиням?» [2, с. 174]. Пастырь здесь – Парис, который был судьей в знаменитом споре Геры, Афины и Афродиты о том, кто из них прекраснее. Здесь можно проследить мотив о «злой мачехе»: Афродиту злит не только то, что земная девушка забрала ее титул, как то, что, по мнению народа, она красивее, чем сама богиня любви. Здесь можно провести аналогию со знаменитой сказкой Братьев Гримм «Белоснежка», а Афродиту понимать как персонификацию «Злой королевы», которая не может терпеть красоты Белоснежки, как богиня красоты Психеи.

Афродита посылает своего сына Амура, которого Апулей описывает как: «мальчика крайне безнравственного, который, в злонравии своем общественным порядком пренебрегая, вооруженный стрелами и факелом, бегаем ночью по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно совершая такие злодеяния, хорошего решительно ничего не делает» [2, с. 174].

Афродита дает сыну указание отомстить за нее: заставить Психею влюбиться в последнего из смертных, которому «судьба отказала и в происхождении, и в состоянии, и в самой безопасности, в такое убожество, что во всем мире не нашлось бы человека более жалкого» [2, с. 174].

Меж тем, отец Психеи, видя как дочь грустит о своей одинокой судьбе, т.к. две старшие сестры давно были сосватаны и жили с мужьями, идет в храм Аполлона и просит у него помощи. Аполлон помогает, но совсем не так, как хотелось бы отцу. Он говорит:

«Царь, на высокий обрыв поставь обреченную деву,
И в погребальный наряд к свадьбе ее обряди;
Смертного зятя иметь не надейся, несчастный родитель:
Будет он дик и жесток, как вредоносный дракон.
Он на крылах облетает эфир и всех утомляет,
Раны наносит он всем, пламенем жгучим палит,
Даже Юпитер трепещет его и боги боятся,
Сеет он ужас везде, вплоть до Стигийских болот» [2, с. 175].

Плачут царь с царицей несколько дней, но ничего против Судьбы сделать не могут, т.к. у древних греков понятие Судьбы было рядом с человеком и более того, с богом. Под аккомпанемент флейты на лидийский лад⁶⁰ родители, плача, ведут невесту к обрыву. Здесь появляется мотив «жертвы», в последующем отразившийся в известной сказке «Красавица и чудовище» Габриэль-Сюзанны Барбо де Вильнёв. Психея здесь Белль, которая жертвует собой ради благополучия своих близких, готовая ради этого остаться в объятиях чудовища. Существует множество версий самой сказки о Красавице и чудовище, но мы постараемся придерживаться только одной. Амур здесь – избалованный, не способный к какой-либо эмпатии принц, наказанный за свою немилость к тем, кто его окружает. Сравнение принца и Амура вызывает затруднения, т.к. последний все-таки божество, а божествам бывают чужды человеческие страдания, и сами они далеко не все милосердны и добры. Так или иначе, у Амура и принца одинаковая история, т.к. и Амур будет впоследствии наказан за ошибку, совершенную самой же Психеей из-за ее любопытства.

Видя как страдают родители, Психея успокаивает их, готова принять все, что ниспошлет на нее судьба. Когда церемония прошла, и Психея осталась одна на скале, ее подхватил Зефир, божество западного ветра, и унес вглубь расщелины, на лоно цветущего луга, где та уснула.

После пробуждения Психея приходит к богато украшенному дворцу, считая, что он принадлежит не иначе, как божеству. И божество тот был художник, что смог искусно его создать. С Психеей разговаривают голоса, и она не может понять, откуда они исходят. Голоса называют ее госпожой и подают на стол для нее. Ночью она знакомится с Амуром, не зная, кто тот таинственный муж.

Меж тем, родители Психеи старились в своем горе, а распространенные слухи достигли сестер Психеи, которые все узнали и поспешили повидаться со своими родителями. В ту же ночь Амур предупреждает возлюбленную об опасности: «Психея, сладчайшая и дорогая супруга моя, жестокая судьба готовит тебе гибельную опасность, о которой считаю тебя нужным предупредить. Сестры твои, встревоженные слухами о твоей смерти и ищущие следов твоих, скоро придут на тот утес: если услышишь их громкие жалобы, не отвечай им и не пытайся взглянуть на них, а то причинишь мне верную жестокую скорбь, а себе конечную гибель» [2, с. 179]. Психея соглашается следовать указаниям мужа, но всю ночь проводит в печали и тоске. Она упрасивает Амура пригласить в их дом сестер, на что он соглашается при условии, что Психея не будет слушать гибельных советов сестер и добиваться увидеть внешний вид мужа. Впоследствии, при посещении дома божества у сестер Психеи зарождается зависть, так как, в отличие от сестры, им не так повезло с мужьями. Уговорами они подталкивают Психею на большой грех – убийство мужа, оправдывая это тем, что муж ее никто иначе, как чудовище, который откармливает ее, дабы съесть. В душе Психеи зарождаются сомнения: с одной стороны – она любит мужа, с другой – слова сестер более чем похожи на правду, т.к. Психее было наказано не любопытствовать, как выглядит супруг.

Сестры говорят Психее ночью подготовить лампу и бритву, дабы перерезать горло чудовищу. Как бы то ни было, Психея подготавливает все необходимые вещи и ночью, одолевая страх, подкрадывается к мужу. Когда свет попадает на его спящее лицо, она видит, что это вовсе не чудовище, а прекрасный златокудрый юноша, с крыльями на спине. Рядом с ним лежали его колчан со стрелами и лук. Одолеваемая любопытством, Психея трогает одну из стрел и нечаянно колет себя, тем самым полюбив мужа еще сильнее. Когда она подошла ближе к нему, чтобы поцеловать, из наклонившейся лампы упала капля воска прямо на плечо Амура. Он проснулся и, не произнеся ни слова, взмыл вверх.

Одолеваемая горькими муками, Психея несколько раз пытается убить себя, но каждый раз ей помогают силы природы, которые в новелле одухотворены.

Венера дает Психее задания, по словам богини, способные смягчить ее гнев, но на деле пытающиеся погубить юную девушку. Одно из таких – перебрать смешанные между собой рожь, ячмень, просо, мак и т.п. Здесь проскальзывает мотив знаменитой «Золушки» братьев Гримм, где была аналогичная ситуация. При этом Венера выступает в роли злой мачехи.

⁶⁰ Греки и римляне различали в музыке несколько тонов и ладов. Лидийский здесь грусть.

В дальнейшем Венера дает ей похожие задания, последним из которых является путешествие в преисподнюю. Суть задания заключалось в том, что Психее необходимо уговорить Персефону, владычицу подземного царства, поделиться с Венерой красотой. Та дает ей небольшую шкатулку и наказывает строго-настрого не открывать. Любопытство Психеи сыграло с ней злую шутку, она открывает ее и, подобно тому, как Пандора открывает ящик, не обрушивает несчастья на целый мир, а засыпает вечным сном. Здесь прослеживается мотив «Спящей красавицы» братьев Гримм. Психея, подобно Авроре, которая уколола палец веретеном, заснула, дожидаясь своего божественного «принца». Следует заметить, что ожидания оправдались и Амур, то ли по видимой случайности, то ли по догадке, находит Психею и будит ее.

Амур просит Меркурия созвать совет богов, на котором Юпитер наказывает Психею оставить рядом с Амуром: «Прими, Психея, стань бессмертной, да никогда Купидон не отлучается объятий твоих и да будет ваш союз на веки веков» [2, с. 204]. «Так по чину передана была в Купидоновы руки Психея. И в определенный срок родилась у них дочка, которую зовем мы Вожделением» [2, с. 204]. На этом сказка об Амуре и Психее заканчивается.

Таким образом, можно сделать вывод, что сказка об Амуре и Психее является «литературной сказкой» и находит свое отражение во многих последующих произведениях различных писателей. Литературная сказка (авторская сказка, писательская сказка) – литературный эпический жанр в прозе или стихах, опирающийся на традицию фольклорной сказки. Литературная сказка уходит своими корнями в сказку народную; фольклорные сказочные повествования часто являлись источниками авторских. Философский подтекст заключается в самом названии «Метаморфоз» – испытание Психеи, превращение Луция в осла – результат, в первую очередь, любопытства, который обрекает их на страдание. И только благодаря Богам (в данном случае, Амуре и Изиде) герои могут искупить свою вину.

Сюжету об Амуре и Психее посвящена интерпретация в повести Жана де Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» и иронической поэме М.Ф. Богдановича «Душенька». Лафонтен распространяет сюжет об Амуре и Психее, украшая его большим количеством фантастических деталей. Подобно Апулею, Лафонтен обогащает мифологический материал реалиями своей эпохи. Апулей написал не просто сказку, он вложил в нее человеческие переживания и эмоции. Любовь – это страдание, болезнь, которое в конце пути приводит к блаженству. Каждая душа, вне зависимости земная она или божественная, должна пройти определенный путь радости и печали, скорби и восторженности, любви и ненависти. Это своего рода путешествие к знанию, к любви, и, конечно, к себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николоюкин, А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А.Н. Николоюкин. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
2. Апулей «Метаморфозы» и др. сочинения / Апулей. – М. : Худ. лит-ра, 1988. – 400 с.
3. Котариди, Ю.Г. Традиционный сюжет об Амуре и Психее в свете исторической поэтики: теоретический аспект / Ю.Г. Котариди / Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых МГУ «Ломоносов-2005». – М. : МГУ, 2005. – С. 288–289.